

Олег Лейбович

РАБОТНИКИ КАРАТЕЛЬНОГО АППАРАТА В МОЛотовСКОЙ ОБЛАСТИ: ГЕНЕЗИС ПРИВАТНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ (1953–1956)

Сначала процитируем выдержку из доклада прокуратуры войск МВД, датированного январем 1948 г.:

18 октября 1947 г. К-ов/начальник участкового пункта охраны МГБ [Министерства государственной безопасности] ст. Усольская, находясь в нетрезвом состоянии, рассказал директору буфета ст. Усольская Ч-ому, что на него поступил материал в органы МГБ, и дал ему понять, от кого поступил, чем расконспирировал разработку Ч-ого и секретного сотрудника МГБ, которого затем Ч-ий уволил с работы¹.

С точки зрения прокурора, офицер МГБ совершил должностное преступление: выдал агента (сексота) и предупредил подозреваемого, чем саботировал операцию по его разоблачению. Для самого К-ва речь шла, по всей вероятности, о благодарности приятелю за дармовую выпивку, или (и) о проявлении мужской солидарности, уходящей корнями в самые глубинные пласты архаичной культуры. Антрополог в этом эпизоде увидел бы конфликт между двумя типами освоенных культур — приобретенной и исходной — слободской, или деревенской. Историк же вправе поставить проблему: чем было вызвано отступление сотрудника карательных органов от чекистских принципов, должностных инструкций, принятых ведомственных норм, — всего того, что поддерживало его высокий статус в сталинскую эпоху. В каких исторических ситуациях такое поведение становилось возможным? Насколько типичным был поступок К-ва? Попытаемся найти ответы на эти вопросы.

---

¹ Военный прокурор Войск МВД — Военному прокурору Войск МВД УралВО тов. Кошарскому. 03.01.1948 // Пермский государственный архив новейшей истории (далее — ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 14. Д. 136. Л. 81.

Предметом настоящего исследования выбраны ментальные и поведенческие сдвиги, происходившие в первую половину пятидесятих годов в локальном сообществе сотрудников государственной безопасности, милиции, лагерной охраны и прокуратуры.

Ее теоретическим основанием служит концепция советской субъектности, по-разному интерпретированная в современной литературе. Так, по мнению Й. Хелльбека, в известной мере, пересекающейся с концепцией Л. Альтюссера², именно в сталинскую эпоху был реализован «грандиозный “я”-проект по превращению несовершенных партикуляристских человеческих существ в универсальных социализированных субъектов»³.

В результате культурной революции, как подчеркнул сторонник такого подхода О. Хархордин, «мы в итоге стали другими, хотя раньше были однородной безликой массой»⁴.

Речь здесь идет об особом виде субъектности в обручах идеологического аппарата — иначе говоря, работе индивида над собой для того, чтобы соответствовать предъявляемым доктринальным и новым корпоративным требованиям: быть политически грамотным, сознательным, образцовым во всех своих проявлениях, стало быть, открытым для внешнего контроля — прежде всего научиться говорить по-большевистски. Освоив политический дискурс, советский человек тем самым выстраивал прочную связь с партией, принимая ее цели и принципы⁵.

В эту эпоху сократилась до минимума сфера приватности: барачное общежитие, многосемейная квартира, общность кухонь и прочие особенности коммунального быта в конечном счете эли-

---

² Субъект, по Л. Альтюссеру, это индивид, обладающий сознанием, «в котором содержатся идеи о его верованиях. Такой индивидуум ведет себя тем или иным образом, то есть выбирает то или иное практическое поведение, а также принимает участие в некоторых установленных практиках, являющихся практиками того идеологического аппарата, от которого “зависят” те идеи, которые он свободно выбрал в своем сознании в качестве субъекта». *Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства* (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3-pr.html>; дата доступа 11.01.2016).

³ Интервью с Игалом Халфиним и Йоханом Хелльбеком / пер. М. Могильнер // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 222.

⁴ *Хархордин О.* Обличать и лицемерить — это по-русски // *Peoples.ru* (URL: <http://www.peoples.ru/science/philosophy/harhordin/2002>; дата доступа 21.10.2015).

⁵ См.: *Коткин С.* Говорить по-большевистски // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период: антология* / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2001. С. 294–296.

минируют возможности какой бы то ни было самостоятельности даже не в определении «стратегии своей деятельности», но в конкретных аспектах стратегий предписанных. Это и называлось жить при «открытых дверях — иногда в буквальном смысле слова. Можно согласиться с мнением исследователя коммунального быта города Молотова⁶ в 1940–1950-е гг. А. Казанкова: «... в пространстве индустриального гетто укрыться и затеряться даже труднее, чем в колонне демонстрантов. Всякое сказанное слово услышат. Всякий жест увидят»⁷.

Сформировать свое «я» в конечном счете означало слиться с массой, с большим коллективом строителей нового мира, стать винтиком «великого государственного механизма»⁸.

Сумевший занять такую позицию «последний советский гражданин, свободный от цепей капитализма, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства»⁹. Это публичное, строевое «я», созвучное выкрику на переключке в классе, на казарменном плацу, на лагерном разводе, подтвержденное соответствующим казенным документом: паспортом, партийным билетом, справкой из сельсовета и др. В этом проекте, следует отметить, не было ни грана индивидуализма, который последовательно и жестко подавлялся. «Я — последняя буква в алфавите», «отсебятина» и прочие устоявшиеся языковые формы свидетельствуют именно об этом. Перед живым словом испытывали страх: «При подготовке митингов, больших собраний обязательно проверяются в партийном органе тексты выступлений рядовых работников /как бы чего-нибудь не загнул/»¹⁰.

Партийные власти от реализации этого проекта не отказывались вплоть до середины 1980-х гг. Менялись только идеологические оболочки: воспитание всесторонне развитой личности, формирование нового человека и т. п. Однако уже в 1950-е гг. в ходе десталинизации набирает силы иной проект конструи-

---

⁶ В 1940–1957 годах Молотовым назывался город Пермь.

⁷ *Лейбович О., Колдушко А., Шабалин В. и др.* 1956: Незамеченный термидор. Очерки провинциального быта. Пермь: ПГИИК, 2012. С. 203.

⁸ Тост Сталина на приеме. 27.06.1945 // Небезин В. Сталин о войне. Застольные речи. 1933–1945 гг. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 285.

⁹ *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 320.

¹⁰ Справка о проведении партийных собраний по итогам XX съезда КПСС. Г. Молотов. Без даты // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 114. Л. 78.

рования субъектности — приватный, начинающийся с заботы о себе, нацеленный на формирование и демонстрацию собственной индивидуальности¹¹. Советские граждане найдут способы и формировать свое «я» из самых разных источников, обзаведутся частным пространством в квартире, на даче, в личном автомобиле и даже на социалистической фабрике, сохраняя при этом приверженность к советской идеологии, постепенно утратившей свое воодушевляющее значение, но успешно обеспечивающей символический социальный порядок. По метафорическому замечанию одного из марксистских критиков советского социализма, из горячей она стала холодной¹², тем самым более прочной и основательной.

Для эпохи, предшествовавшей краху социализма, представляются вполне уместными и основательными выводы А. Юрчака о культуре людей последнего советского поколения: «Эти простые советские граждане активно наполняли свое существование многочисленными творческими и позитивными смыслами — иногда в соответствии с провозглашенными целями государства, иногда вопреки им, а иногда в форме, которая не укладывалась в бинарную схему “за — против”»¹³. Но чтобы дойти до такого состояния, их родителям пришлось проделать длинный путь вычленения своего «я» из коллективистских поведенческих паттернов прежней эпохи.

В первоначальном варианте формирование новой субъектности происходит путем осуществления девиантных актов по отношению к сложившейся нормативной системе.

Для генезиса приватной субъектности необходимы предпосылки прежде всего в виде частных форм и способов коммуникации в пределах жизненного пространства, в ослаблении террористических практик и начальных фаз эмансипации от властного дискурса. Все эти предпосылки складываются на рубеже

---

¹¹ Такой вариант субъектности означает «способность человека быть стратегом своей деятельности, ставить и корректировать цели, осознавать мотивы, самостоятельно выстраивать планы жизни». *Иршиорн М.* Акционизм // Журнал социологии и социальной антропологии. Специальный выпуск. Современная французская социология. 1999. Т. 2. С. 299.

¹² См.: *Papaiouannou K.* L'idéologie froide: Essai sur le dépérissement du marxisme. Paris: Jean-Jacques Pauvert, 1967.

¹³ *Юрчак А.* Поздний социализм и последнее советское поколение // Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/ur7-pr.html>; дата доступа 14.10.2015).

1940–1950-х гг. под влиянием культурных и политических изменений в советском обществе.

Ранние виды советской субъектности представляют собой рассогласованные, не сводимые в систему повседневные практики вербальные и поведенческие. В них демонстрировалось проявление своего «я» иначе, чем было предписано официальными регламентациями и коллективными представлениями. Более того, эти практики ориентировались на не признанные идеологией неполитические ценности и аттракторы. Замечу, что теоретические концепты субъектности могут указать лишь на исследовательскую перспективу, но не подменить конкретно-исторический анализ¹⁴.

Время действия — рубеж 1940–1950-х гг.: время, предшествующее смерти Сталина, и первые годы утверждения нового политического режима — до XX съезда КПСС.

Место действия — Молотовская область — административное образование на востоке европейской части СССР. По характеру расселения — большая агломерация заводских слобод, окруженных деревнями и лесными поселками. Жители области были едва затронуты урбанистической культурой. Социальная инфраструктура городов находилась на зачаточном уровне. В 1954 г. инспектор ЦК КПСС сообщал членам Молотовского обкома, что на вверенной им территории «только 20% жилого фонда города Молотова оборудованы водопроводом, 18% канализацией, 5% центральным отоплением. Жилой фонд городов области оборудован водопроводом только на 5%, канализацией — на 4% и центральным отоплением — на 3%. Из 23 городов области 9 городов не имеют коммунальных бань. Нередки случаи, когда рабочие

---

¹⁴ Современный исторический нарратив оказался едва затронутым проблематикой субъектности. По всей вероятности, это происходит в силу известной методологической беззаботности, присущей профессиональной культуре историков. Так, в очерке современной историографии сталинизма Дж. Кип и А. Литвин иронически отнеслись к попыткам применить концепт субъективности к изучению, казалось бы, известных процессов: «Вместо этого наши коллеги постмодернисты предпочитают говорить, опять же вслед за Фуко, о “субъекте” (“субъективности”) и “техниках себя”. Под последними подразумеваются “способы, которыми индивидуум самоутверждается, и используемые при этом концепты” (Мальте Рольф). Эти авторы весьма серьезно воспринимают старания сталинского режима, прилагаемые к созданию “нового советского человека”, воплощению всех политически корректных коллективистских достоинств: жизнерадостности, трудолюбия, патриотизма и т. д.» (Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. С. 19).

проживают по несколько семей в одной комнате, занимают под жилье совершенно непригодные помещения»¹⁵.

Санитарные условия городов мало отличались от средневековых: «Когда городской комитет КПСС проявит необходимую принципиальную требовательность к руководителям благоустройства города? Когда прекратится выход фекальных вод на улицы, разведение заразы даже в центре города?» — спрашивал у секретаря обкома один из городских партийцев¹⁶.

От иных европейских территорий Советского Союза Молотовская область отличалась разве что высокой концентрацией лагерного населения и спецпоселенцев. Она была местом ссылки и для советских немцев, и для депортированных прибалтов, и для военнопленных немецких военных формирований — «власовцев»¹⁷. Счет неблагонадежных контингентов шел на десятки тысяч человек¹⁸. В небольшом городе Половинка (население — 52 тысячи человек) проживало в 1954 г. «до 15-ти тыс. человек ссыльных, расконвоированных и вербованных из других областей»¹⁹.

Впрочем, на взгляд посторонних лиц: эвакуированных ли, откомандированных, передислоцированных из столичных городов, едва ли не все коренные жители области были на одно лицо: хитроватые, тягодумные, жадные — в общем, отсталые. Так, начальник отдела охраны МГБ Камского бассейна подполковник Н. Г. Ровинский вперемешку с площадной бранью честил своих

---

¹⁵ Стенограмма заседаний VIII пленума Молотовского обкома КПСС. 14–15 января 1954 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 21. Д. 8. Л. 45.

¹⁶ Перечень вопросов, заданных коммунистами первому секретарю Молотовского обкома КПСС тов. Прасс Ф. М. на объединенном пленуме обкома и горкома КПСС 13 июля 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 187. Л. 133.

¹⁷ Перечень контингентов высленцев — спецпереселенцев с указанием оснований к их переселению и содержанию на спецпоселении. 1954 г. // Государственный архив Пермского края (далее — ГАПК). Ф. р1366. Оп. 1. Д. 777. Л. 9.

¹⁸ См.: Кудрявцев — Голубеву. Сведения о наличии ссыльных, высланных, ссыльно-поселенцев и спецпоселенцев, расселенных на территории Молотовской области. 5 августа 1955 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 129. Л. 68–69.

¹⁹ Губанов — Прассу. Докладная записка. О неудовлетворительной работе органов милиции города Половинки. 30 октября 1950 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 213. Л. 154.

подчиненных «ни к чему не способными пермяками», чем, к слову, их сильно оскорблял²⁰.

Действующие лица — работники карательных органов (МГБ–КГБ, милиции, МВД и прокуратуры)²¹, действовавших на территории Молотовской области. Эпитет не был случайным. Он недвусмысленно указывал на основную функцию этих учреждений в обществе — выявлять и наказывать противников и нарушителей складывающегося социального порядка, в том числе людей «неблагонадежных» и подозрительных в силу своего социального и этнического происхождения, «сомнительных» личных связей и неконтролируемых этапов жизненного пути (например, пребывание на временно оккупированной территории в годы войны). Язык советских людей подчеркивал их особую роль словом «органы», не применяемым для описания иных министерств и ведомств²². Привилегированное положение карательного аппарата соответствовало правительственной политике после так называемой статусной революции 1929 г., «переориентировавшей внимание властей с рабочих на чиновников как носителей государственного начала»²³. Между ведомствами существовали весомые отличия: функциональные, статусные, кадровые²⁴. Привилегированное положение сотрудников госбезопасности поддерживалось не только высокими окладами, спецпайками, но прежде всего их легендарной историей и ореолом таинственности, которой была окружена их деятельность. «Мы на вас <...>

²⁰ Справка о непартийном поведении начальника отдела охраны МГБ Камского речного бассейна Ровинского Н. Г. 14 января 1950 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 110. Л. 100.

²¹ Так их официально идентифицировал секретарь Молотовского обкома ВКП(б) в 1950 г. См.: Стенограмма областного совещания горрайпрокуроров. 23.10.1950 // ГАПК. Ф. р1366. Оп. 3. Д. 32. Л. 170.

²² Исключения составляли партийные инстанции, но преимущественно в официальной речи и всегда с уточнением: «партийные органы».

²³ *Lewin M. Russia — USSR — Russia: The Drive and Drift of a Superstate.* New York: New Press, 1995. P. 186.

²⁴ См.: *Бондарь В. А.* Министерство государственной безопасности СССР в первые послевоенные годы // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 13. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 3–11; *Кокурин А. И., Петров Н. В.* МГБ: структура, функции, кадры (1946–1953) // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 109–121; *Шабалин В. В.* Хулиганы в погонах: региональная кампания по идейно-политическому воспитанию милицеских кадров в послевоенный период (на примере Молотовской области) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 293–303.

смотрели как на богородицу»²⁵. В этих словах, сказанных сгоряча секретарем Александровского горкома КПСС после падения Л. П. Берии, ясно слышится глубокое разочарование в прежних иллюзиях по поводу советских чекистов — иллюзиях, разделяемых значительной частью политически сознательных советских граждан. Таких иллюзий не удалось обнаружить по отношению к милиции²⁶. Власти, а с ними население рассматривали милицию как слабое звено в карательной системе. «На Всесоюзном совещании в Москве работа органов милиции признана неудовлетворительной. Больше того, предъявлено политическое обвинение, что своим поведением, работой мы оторвались от народа, допускаем действия, идущие во вред народу», — в марте 1952 г. информировал своих подчиненных начальник областного управления милиции полковник Милов²⁷.

При всех различиях в общественном статусе, общественной репутации, функциональных обязанностях, условиях труда и быта сотрудники карательных органов могут быть описаны как некоторое сообщество, обладающее сходством социальных позиций, но также и далеко идущей согласованностью символических образов действительности, близостью психологических установок и поведенческих паттернов. Сквозь призму коллективных образов — «искусственный медиум»²⁸ — эти люди рассматривали действительность и собственное место в ней.

---

²⁵ Черепанов — Обком КПСС. 24.08.1953 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 158. Л. 197.

²⁶ Несмотря на то что ГБ и милиция с 1949 по 1954 г. функционировали в рамках одного министерства (в 1949–1953 — МГБ, в 1953–1954 — МВД), они никогда не были полностью интегрированными: сохранялись особые специальные звания, разные офицерские школы, различия в должностных окладах и пр. Руководство областного управления госбезопасности третировало своих младших партнеров как бездельников. В рапорте секретарю обкома КПСС начальник УГБ по Молотовской области, перечисляя причины «неудовлетворительной работы органов милиции», не забыл упомянуть о том, что «существующий в управлении милиции распорядок служебной работы: до 12 часов ночи — всему оперативно-начальствующему составу и до 2 часов ночи — руководящему составу (от начальника отдела и выше) выдерживается только формально». Сотрудники уходят, когда вздумается, шатаются без дела по кабинетам и пр.» Кремлев — Прассу. 21.01.1953 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 156. Л. 41–42.

²⁷ Протокол № 6 общего партийного собрания парторганизации Управления милиции. 06.03.1952 // ПермГАНИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 44. Л. 97.

²⁸ Cassirer E. Versuch über den Menschen: Einführung in eine Philosophie der Kultur. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1990. S. 50.

Проблема источников. Для исторического исследования форм субъектности наиболее подходящими источниками признаются так называемые эгодокументы: дневники, письма, записные книжки. Сотрудники карательного аппарата, как правило, дневников не вели, а если и переписывались с родственниками, то те не передавали письма в архивы. Отсутствие традиционных эгодокументов — явление не случайное. Присутствовало естественное желание закрыть свой внутренний мир от бдительного взгляда со стороны (люди, прикосновенные к власти, были убеждены в перлюстрации переписки и тотальной слежке за ними)²⁹. Но дело было не только в привычной осторожности. Сотрудникам карательных ведомств просто некогда было писать что-либо, кроме служебных бумаг. Их рабочий день продолжался 10–12, в иных случаях до 16 часов. Даже партийные собрания в областном Управлении МГБ начинались после полуночи. Участники клевали носом. На партийном языке их полусонное состояние называлось «снижением активности коммунистов на партийных собраниях», что «по существу, ведет к свертыванию партийных собраний»³⁰. Кроме всего прочего, они были в большинстве своем не слишком грамотными людьми.

«Особенно неприятно бросались в глаза ограниченность старых кадровых сотрудников, их низкий уровень развития, образования и особенно культуры, — писал Н. С. Хрущеву подполковник МВД Кадыров. — Я знал начальников отделов, которые писали на документах такие резолюции: “Тов. Такой-то, откуда вы взяли, что Бендера — руководитель украинских националистов? Всем известно, что Остап Бендер — это герой романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев»”. Встречались руководители, которые, несмотря на генеральское звание, в небольшой резолюции делали до пяти грубейших грамматических ошибок»³¹.

В такой ситуации место личных документов занимают документы официальные или полуофициальные. К последним можно отнести письма работников карательного аппарата в партийные инстанции: жалобы, иногда анонимные, личные заявления, объяснительные записки. Адресатом, как правило, был первый

²⁹ См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. Н. Ковалева. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 47.

³⁰ Здрогов — Хмелевскому. 15.03.1947 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 170. Л. 8.

³¹ Кадыров — Н. С. Хрущеву. 16.02.1954. Копия. Машинопись // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 134. Л. 138.

секретарь обкома, по своему служебному положению получивший право быть посвященным в служебные тайны и обязанный «систематически контролировать деятельность органов МГБ, повседневно вникать по существу в их работу»³². Секретарь обкома был арбитром в межведомственных спорах и высокой инстанцией, к которой обращались за помощью в случае служебных неурядиц, разоблачений и наказаний. В 105-м фонде (Обком КПСС) Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ) отложились десятки обращений такого рода, собранные в дела под заголовком «Письма и заявления в Обком КПСС», «Переписка по кадровым вопросам с министерствами и ведомствами», «Переписка с органами МГБ, прокуратуры, МВД» и др. Среди них есть заявления, писанные от руки карандашом, на обрывке бумаги со всеми мыслимыми и немыслимыми грамматическими ошибками, и хорошо сохранившиеся листы плотной бумаги, заполненные аккуратной, выверенной машинописью.

Написанные в условиях стресса письма в партийные органы часто представляют собой подлинно человеческие документы. В них нарушается служебный канон, проступают индивидуальные черты автора, воспроизводится неповторимый стиль эпохи: «Я имею возраст 50 лет, уже взрослых детей, непорочность своих моральных качеств, — так аттестует себя подполковник ГБ в письме к секретарю обкома и продолжает: — я пишу не в порядке жалобы, как обиженный человек, а желал бы, чтобы наши руководящие товарищи были более чуткими и разборчивыми»³³.

Еще одна группа источников — протоколы партийных собраний аппарата управления МВД, ОУМ (Областного управления милиции), областной прокуратуры. Секретарские записи, естественно, не полны и не выверены, но в них сквозь служебные формулировки и канцелярские обороты иногда проступают житейские ситуации и звучит живая речь партийцев³⁴. В протоколах

³² Из постановления ЦК КПСС «О положении в МГБ». 04.12.1952 // Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953 года. Документы / сост. В. Н. Хадетов, В. П. Наумов, Н. С. Плотников. М.: Международный фонд «Демократия»; Материк, 2007. С. 535.

³³ Прыгичев — Струеву. 17.09.1956 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 106. Л. 51.

³⁴ На партсобрании в одном из отделов управления внутренних дел обсуждали неправильное поведение своего товарища: «Он не хочет, чтобы такие маленькие дети с этого возраста привыкали к очередям, а потому начал настойчиво требовать, чтобы <...> пропустили эту женщину с коляской вне очереди» (Протокол партийного собрания Областного управления УВД. 12.09.1957 // ПермГАНИ. Ф. 1624, Оп. 1. Д. 172. Л. 88).

собраний зафиксированы преимущественно факты девиантного поведения партийцев. Нормализованные практики были привычными, освоенными, не нуждающимися в особой рефлексии. Повседневная жизнь только угадывается в многочисленных записях, касающихся всякого рода нарушений, неодобряемых форм индивидуальности, замеченных и осуждаемых товарищами по работе. Границы между должным и сущим при всей их переменчивости зафиксировать можно. И если считать выход за пределы повседневного проявлением субъектности, тогда протокольные записи с обсуждением персональных дел провинившихся партийцев становятся неоценимым источником по избранной теме.

Следует принять во внимание фрагментарность и неполноту информации о процессах формирования субъектности у работников карательного аппарата. И дело здесь не столько в закрытости и недоступности многих материалов, но прежде всего в отсутствии, неразвитости языковых форм, способных описать эти процессы. В предшествующую эпоху укоренились культурные запреты на публичное выражение индивидуальных чувств, на скрупулезное и детальное описание личностных переживаний, на проявление собственного «я». Реконструкция субъектности по сохранившимся источникам всегда оставляет лакуны, темные места, некоторые двусмысленности. Оценка германского историка: «История, обращающая свой пытливым взгляд на культурные истоки сталинизма, ступает на малоисследованную почву»³⁵, может быть распространена и на ситуацию выхода из него. Собственно, процесс трансформации субъектности у сотрудников карательных органов может быть изучен в первую очередь в контексте замеченных современниками и сослуживцами отклонений от сложившихся коллективных паттернов публичного поведения.

Исходные паттерны публичного поведения работников карательных органов формировались под воздействием *двух идеологических аппаратов*: общеполитического и корпоративного. Власть предлагала всем советским гражданам правильные образцы поведения: безусловный приоритет общественных интересов над личными, преданность делу социалистического строительства, абсолютную ценность коллективного труда, готовность к самопожертвованию, бдительность, культурность

---

³⁵ *Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. С. 16.

и скромность³⁶. В нарративе работников карательного аппарата можно обнаружить следы этой культурной политики. «Всю свою трудовую сознательную жизнь я всегда стремился контролировать себя, зная цену труда материального производства, я с любовью и уважением отношусь к трудовым людям, ненавижу лодырей и тунеятцев (так в тексте. — *О. Л.*)», — предъявлял свои жизненные принципы ветеран госбезопасности секретарю обкома³⁷.

У сотрудников карательного аппарата в течение долгого времени воспитывалось чувство корпоративной обособленности, осознания социальных границ, за которыми начинался чужой мир. Вот характерный пассаж из установочного доклада 1950 г. «Конечно, мы не можем проповедовать среди наших людей “затворничество”. Прокурорские работники — не какая-нибудь секта, не монастырь, и мы не можем воспитывать наших работников затворниками. И мы не можем сказать им: огородись корками партийного билета и никого к себе не подпускай, ни с кем не разговаривай, и если тебя приглашают, скажем, на именины, заставь пригласившего заполнить анкету, чтобы выяснить, кто у него родители и т. п. Мы не против того, чтобы наши люди имели друзей. Речь идет о том, что нельзя приглашать к себе и ходить к тем людям, с которыми у Вас, советских прокуроров, нет ничего общего, нет никакой основы, почвы для личной дружбы с ними»³⁸. Следует заметить, что ограду ставили с двух сторон. Какие-либо неофициальные контакты с людьми из «органов» не приветствовались. Так, в протоколе заседания Молотовской областной коллегии адвокатов можно обнаружить неодобрительное высказывание старшего товарища по поводу «неправильного поведения» молодой сотрудницы: «За обедом мне тов. К-ва рассказывала о своем знакомом: следователе МГБ Д-ве, который ее в этот день приглашал в театр»³⁹.

Так создавались условия для формирования особой корпоративной морали. «Прокурор должен быть чистым, как снег

---

³⁶ См.: Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.

³⁷ Прыгичев — Струеву. 17.09.1956 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 106. Л. 50.

³⁸ Мильников М. С. Доклад о работе с кадрами. 25.10.1950 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 163. Л. 75.

³⁹ Протокол заседания [Молотовской] областной коллегии адвокатов. 12.02.1952 // ГАПК. Ф. р1345. Оп. 1. Д. 20. Л. 339.

на Альпийских горах», — в своем неповторимом стиле не уставал повторять прокурор Молотовской области Д. Н. Куляпин⁴⁰. Сотрудникам госбезопасности вменяли в обязанность быть примерными партийцами, образцовыми советскими гражданами, непримиримыми к малейшим отступлениям от социалистической нравственности. «Излишества в материально-бытовом обслуживании аппарата советников недопустимы», — подчеркивалось в одобренном Политбюро ЦК ВКП(б) наставлении для советников МГБ СССР, работающих в сопредельных странах⁴¹. В 1950 г. сотрудникам периферийных органов МГБ запретили владеть приусадебными участками в сельской местности, аргументировав тем, что «обрастание личным хозяйством чекистов» неизбежно влечет за собой «отрыв их от чекистской работы, злоупотребление своим положением в связи с ведением хозяйства, в результате дискредитируются органы МГБ»⁴².

Побочным продуктом многолетнего воспитания такого рода явилось корпоративное самосознание, в котором представлению о собственной избранности сопутствовало и чувство превосходства по отношению к иным гражданам, в том числе работникам партийных и государственных аппаратов⁴³.

Сотрудники органов в массе своей принимали «правила установленного порядка», а с ними и соответствующее отношение к условиям существования. Можно констатировать, что в сталинскую эпоху работниками карательных аппаратов культивировалась особая форма идентичности на основе принадлежности

---

⁴⁰ Стенограмма областного совещания горрайпрокуроров. 23.10.1950 // ГАПК. Ф. р1366. Оп. 3. Д. 32. Л. 132.

⁴¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о наставлении для советников МГБ СССР в странах народной демократии. 22.10.1951 // Лубянка. Сталин и МГБ СССР. С. 365.

⁴² Докладная записка о работе с кадрами Управления МГБ по Молотовской области на время с 1 — 50 г. по 1.XII — 50 г. 11.12.1950 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 163. Л. 171.

⁴³ Основания для самоощущения коренились в узаконенных практиках. Так, вплоть до 1954 г. органы государственной безопасности готовили справки на кандидатов, претендующих на партийные и советские должности. При обсуждении в Президиуме ЦК КПСС нового учреждения — Комитета государственной безопасности — Г. М. Маленков заметил, что нужно «дело так поставить, чтобы не злоупотребляли. За характеристикой кадров обращаемся в МВД (покончить с этим)» (Протокол № 50. Заседание 8 февраля 1954 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 22).

к особым органам, исполняющим важнейшую миссию защиты советского строя в обстановке таинственности и риска. «Люди особого склада»⁴⁴ — эту сталинскую самооценку, первоначально относящуюся к большевикам первого поколения, они могли применить к себе. «Чекистская» идентичность демонстрировалась в специфических поведенческих моделях. В них предписанные образцы соединялись с освоенными в процессе социализации навыками и обычаями, скорректированными спецификой служебной деятельности. Все вместе составляло единый сплав. В нем присутствовала убежденность в собственной прозорливости, особой интуиции, позволявшей безошибочно находить и распознавать врага⁴⁵.

Однако степень интеграции, во-первых, существенно отличалась у разных лиц в зависимости от условий социализации, личных притязаний, коллективных опытов, а во-вторых, не была полной, всепоглощающей. Сотрудники карательных органов рекрутировались из тех же слоев общества, что и чиновники иных государственных и партийных учреждений, — старшее поколение в начале 1950-х гг. объединяла общность происхождения — из среды крестьян, мастеровых, мелких мещан.

Молодежь приходила в органы по партийным и комсомольским путевкам — как правило, со строек и заводов. Отбирали их по двум критериям: безукоризненная анкета и хорошее здоровье. Секретарь Березниковского горкома КПСС сетовал на то, что к кандидатам для работы в органах «предъявляются, на наш взгляд, непомерно высокие требования в отношении их физического состояния. Слов нет, работники органов МВД должны быть, конечно, физически здоровыми, но нельзя же возводить эти требования до абсурда, ведь это все же не летный состав воздушного флота»⁴⁶. И, несмотря на все усилия руководства, сотрудники органов сохраняли обычаи и нормы своего прежнего социального окружения, чувствовали себя в нем своими: вместе выпивали,

---

⁴⁴ Сталин И. В. По поводу смерти Ленина: речь на II Всесоюзном Съезде Советов 26 января 1924 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ, 1947. С. 46.

⁴⁵ См. подробно в: *Halfin I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

⁴⁶ Стенограмма заседания объединенного пленума Молотовского областного и городского комитетов КПСС. 13.07.1953 // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 630. Л. 46. В марте 1953 г. было создано объединенное министерство внутренних дел, в которое включили все структуры бывшего МГБ, так что речь в выступлении шла о сотрудниках государственной безопасности.

ходили друг к другу в гости. В официальных бумагах часто встречаются упоминания о неформальных связях между офицерами МГБ и колхозниками: то местный конюх предлагал начальнику райотдела МГБ «выпить кружку браги или квасу, изготовленного для личного употребления. От этого Ш-в не отказывался»⁴⁷, то осведомитель, узнавший, что начальник милиции «заколол свинью, купил водки», зашел к нему на квартиру и там в компании с сотрудниками милиции «эту водку распил»⁴⁸. Давление социальной среды, от которого сотрудники карательных органов не смогли отгородиться ни социальными привилегиями, ни анкетным отбором, ни воспитанием чувства исключительности, влекло за собой воспроизводство социокультурных стереотипов, бытовавших в низовых пластах советского общества.

Во внутреннем круге работник МГБ всецело зависел от начальства, выслушивал угрозы, сносил оскорбления, «усыплял» чувство собственного достоинства⁴⁹. Безропотно снося оскорбления от своих командиров, сотрудники органов находили психологическую компенсацию в своих отношениях с агентурой, «объектами разработки» (так называли людей, попавших под прицел органов) и прочим населением.

В их поведении доминировала патриархальность нравов: установка на агрессию, упрощенность поведенческих стереотипов, традиционные способы разрешения конфликтов, злоупотребление алкоголем, а в целом — сдвиг норм в направлении слободской низовой культуры.

Профессиональную квалификацию периферийных сотрудников МГБ едва ли можно считать высокой. О ветеранах службы кадровый чекист Кадыров в письме к Хрущеву отзывался с нескрываемым пренебрежением: «Это малоразвитые, политически

---

⁴⁷ Заключение по результатам проверки материалов на начальника Григорьевского РО МГБ майора госбезопасности Шварева Н. И. 24.02.1953 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 179. Л. 95.

⁴⁸ Заключение по рапорту б.начальника Большеусинского РОМ МВД подполковника милиции Барышева В. И. 30.11.1953. Копия. Машинопись // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 4. Д. 323. Л. 148.

⁴⁹ Начальник Управления КГБ «в обращении со своими подчиненными, а я это чувствую на себе почти ежедневно, <...> допускает высокомерие, чванливость, выражения, унижающие достоинства человека. Чекисты никудышные, беспомощны, беспринципны, работа топорная, бездельники и другими эпитетами т. Малютин сопровождает почти каждую мою встречу с ним». Трубилин — Струеву. 18.05.1955. Рукопись // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 134. Л. 108.

и культурно отсталые люди», — впрочем, и молодежь не слишком от них отличается; у многих наблюдается «поверхностное и формальное отношение... к своей работе»⁵⁰.

«Стража в фуражках органов государственной безопасности, которой совсем немало в Березниках, к сожалению, слишком мелко пашет и дальше своего носа не видит», — так оценивал эффективность работы органов партийный журналист⁵¹. С недалекой дистанции работники МГБ выглядели непривлекательно: «туповатые молодцы в фуражках, сытые и жестокие»⁵². Отбор, первичная социализация, воспитание, служебные нормы, образ жизни — все это вместе взятое накладывало отпечаток на антропологический образ работников карательного аппарата. Паттерны социального поведения этих людей при всех индивидуальных различиях обладали общностью жизненных ориентаций, принятых норм, освоенных практик. В них причудливым образом взаимодействовали ведомственные представления о мире, грубые обычаи низовой слободской и сельской культуры, конформизм по отношению к сложившимся практикам, а с ним и чувство принадлежности к замкнутому сообществу — к корпорации, наделенной привилегиями. Склеивающим культурным материалом была патриархальность, пронизывающая все виды практик: служебных и бытовых. В этом контексте представляется обоснованным суждение Даниелса, касающееся, правда, партийных кадров: психологически этот аппарат «был так же далек от технотрактуры, как царская бюрократия от тургеневских нигилистов»⁵³.

Иначе говоря, работа над собой в соответствии с требованиями формирования публичной советской субъектности не была ни завершенной, ни достаточно продуктивной. В жизненном мире работников карательных органов доминировали образы и представления традиционалистского, досоциалистического происхождения⁵⁴.

---

⁵⁰ Кадыров — Н. С. Хрущеву. 16.02.1954. Копия. Машинопись // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 134. Л. 139, 142.

⁵¹ Данилкин — Прасс Ф. М. 29.04.1950 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. Л. 16.

⁵² Данилкин М. Сокровенные мысли. 1952 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9925. Т. 3. Л. 32.

⁵³ Даниелс Р. В. Взлет и падение коммунизма в России. М.: РОССПЭН, 2011. С. 246.

⁵⁴ См.: Лейбович О. Жизненный мир сотрудников МВД — МГБ на рубеже 1940–1950-х годов // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса и др. М.: РОССПЭН, 2015. С. 185–203.